

УДК 316

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СЕМЬИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

© 2015 г.

Г.М. Цинченко

Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ

galina_ts55@mail.ru

Поступила в редакцию 09.09.2014

Анализ семейной политики государства в первые годы советской власти, правовых реформ в брачно-семейной сфере отражает тенденции разрушения традиционной патриархальной семьи дореволюционной России. Показана деструктивная направленность государственной политики в отношении института семьи в исследуемый период, проанализирован идеологический дискурс общественного воспитания. Рассмотрена официальная идеология государственной семейной политики советского периода.

Ключевые слова: семья, правовые реформы, семейная политика, материнство, общественное воспитание.

Актуальность данной статьи обусловлена значимостью вопросов, касающихся политики государства в отношении семьи в первые годы советской власти. Для современных отечественных исследователей социальная политика и ее составная часть – семейная политика советского периода остается terra incognita. Исследования до 1980-х гг. либо основывались на марксистско-ленинских подходах, либо направлялись приоритетами холодной войны. Эти и другие подходы не позволяли проанализировать противоречия советской политики в отношении семьи. Новый ракурс исследования советского периода позволяет найти подходы к интерпретации настоящего и к сценариям будущего.

Необходимо отметить, что в исследованиях советского и постсоветского периода понятие «семейная политика» является относительно новым. В политическом и академическом дискурсе соответствующий термин стал использоваться в конце 1970-х гг., а российскими исследователями только в начале 1990-х гг.

Влияние социалистической революции на брачно-семейные отношения в России и сегодня остается дискуссионным вопросом в отечественной социологии семьи. Первые годы советской власти характеризуются как период разрушения традиционной семьи и отказа от приемственности семейного законодательства, связанного с формированием новых отношений между супругами, родителями и детьми. В идеологическом дискурсе разрабатываются и популяризируются идеи общественного воспитания, обобществления родительских функций. Формирование и особенности реализации государственной политики в отношении семьи в эти

годы были детерминированы идеологическими установками. Если обратиться к определению Ф. Энгельса, согласно которому основой моногамной семьи является рождение и воспитание детей, а также последующее наследование права собственности [1], становятся понятны те противоречивые процессы, которые происходили в российской семье в советский период. Вместо наследования частной собственности наследовалась весьма ограниченная личная собственность, что ослабляло эту основу семьи и брака [2, с. 33]. Объективной причиной стала пролетарская революция и последовавшие за ней коллективизация, индустриализация, политические репрессии и военные катаклизмы, оказавшие сильное негативное влияние на семью в XX веке, разрушавшие семейные связи. Политическая причина заключалась в том, что наиболее отчетливо деструктивная направленность государственной политики в отношении семьи была выражена в первые послереволюционные годы.

Правовые реформы советского государства в брачно-семейной сфере

Первые реформы советского государства в области брачно-семейных отношений ускорили уже начавшийся до революции процесс распада старой семьи патриархального типа. Еще в начале XX в. в рабочей среде наметились снижение рождаемости, ослабление экономических связей между супругами, родителями и детьми, усиление самостоятельности женщины [3]. Однако для большинства «брак означал полное слияние двух существ, пожизненное шествие их по дороге жизни и совместное осуществление поставленных себе задач. Эта связь была до сих

пор достаточно прочной и для огромного большинства – пожизненной. Два существа, действительно, превращались в «плоть едину» и совместно с детьми представляли своего рода «государство в государстве», – отмечал П. Сорокин. Церковь определяла брак как таинство. Юристы понимали под браком «состояние полной жизненной общности между супругами, пожизненную связь, основанную на божеском и человеческом праве» [3, с. 65]. По сути, дореволюционная семья была самостоятельной, независимой хозяйственной ячейкой, в дела которой государство почти не вмешивалось, за исключением случаев уголовного характера. Власть предоставляла «полную самостоятельность и ревниво оберегала ее прочность, независимость и ее основы. Посягательства на ослабление или разрыв супружеской связи (половая чистота, оскверняемая прелюбодеянием, и внебрачные половые связи) всячески преследовались и, особенно в древности, жестоко карались» [3, с. 65]. Церковь и государство стремились сильнее закрепить эту связь, всячески мешали разрыву семейных уз через разводы или раздельное проживание. Как союз родителей и детей семья была «домашним очагом» и первой школой и воспитателем. Родители обладали как рядом прав по отношению к детям, так и обязанностями – заботиться не только об их материальной обеспеченности, но и об умственном и нравственном воспитании. Определенные права и обязанности лежали и на детях. Жена была отдана в опеку мужу, дети – в распоряжение родителей. Общность имущества супругов, солидарность их интересов и передача материальной и духовной заботы о детях в руки родителей свидетельствовали о том, что семья была цельной общественной единицей, ведущей свою самостоятельную жизнь [3, с. 66].

Октябрьский переворот юридически не уничтожил институт семьи, но в значительной степени политизировал его положениями декретов Совета народных комиссаров от 19 и 20 декабря 1917 г. Признавалось действительным лишь гражданское оформление семейных отношений, было запрещено многобрачие даже для лиц, исповадовавших ислам. Люди, венчанные в церкви, не признавались отныне супругами в юридическом смысле, а уничтожение церковного брака как альтернативы гражданскому являлось несомненным наступлением на права личности и не соответствовало провозглашенной свободе вероисповедания. По сути дела, советская власть, утвердив своими первыми декретами гражданский брак, отстранив церковь от решения вопросов развода, уничтожила тем са-

мым феодальные основы семейной жизни [4, с. 237–239, 247–249].

В первые годы после революции семья стала рассматриваться как пережиток «буржуазного» прошлого, способствующий эксплуатации женщин и сохранению патриархального чувства собственности у мужчин. Правила приличия, принятые до революции, осмеивались как «мещанство» и «обывательщина», молодое поколение в особенности отличалось сексуальной свободой и неуважением к институту брака. Обычным явлением стали «свободные», незарегистрированные браки. Данное положение было закреплено законодательно в Кодексе о браке и семье 1926 г., согласно которому любое постоянное совместное проживание, зарегистрированное или нет, считалось семьей [5, с. 83]. Дети, рожденные в результате такого сожительства, обладали всеми правами, как и дети в зарегистрированном браке. Развод можно было получить на основании простого заявления, причем достаточно было известить партнера по браку о разводе, но согласия его не требовалось.

Такова была правовая регламентация. На практике же многие видные деятели Советского государства всячески стремились резко перейти от феодальных норм брачных отношений к так называемым «социалистическим».

*Деструктивная направленность
государственной политики
в отношении института семьи*

Пришедшее к власти в октябре 1917 г. правительство осудило семью как буржуазный институт и пообещало упразднить ее, так как, по мнению большевиков, «семья как хозяйственная единица, с точки зрения народного хозяйства, должна быть признана не только беспомощной, но и вредной... Коммунистическое общество упраздняет семью, семья утрачивает значение хозяйственной ячейки с момента перехода народного хозяйства в эпоху диктатуры пролетариата» [6, с. 18]; «семья, воспитывая и утверждая эгоизм, ослабляет скрепы коллектива и затрудняет строительство коммунизма» [7, с. 29]. Среди членов коммунистической партии было много приверженцев идеологической позиции, заключающейся в том, что семья – это один из старых институтов, который должен быть разрушен и заменен другими социальными формами. Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский считал, что семьи создают неправильные типы людей, то есть «не людей, которые сделают вклад в общественный коллектив, но людей, которые будут индивидуалистами» [8, с. 34].

По мнению большевиков, для женщин брак и материнство являлись главными препятствиями женской эмансипации. «Семья отмирает, она не нужна ни государству, ни людям... на месте эгоистической замкнутой семейной ячейки вырастает большая всемирная трудовая семья» [9, с. 15], – писала А.М. Коллонтай, один из основных идеологов большевизма в области семейной политики и феминизации, еще в 1919 г.; а в 1923 г. она заявила, что советское правительство «снимет бремя материнства с женских плеч и переложит его на государство». Она также добавляла, что «семья в ее буржуазном понимании вымрет» [10, с. 146, 161–162]. По сути, проводилась политика ликвидации института семьи. Представитель наркомата юстиции Я.И. Бранденбургский заявлял: «Семья, конечно, исчезнет и будет заменена государственной организацией общественного воспитания и социального обеспечения» [11, с. 117]. Превалирующей в социальной политике большевиков к концу 1920-х гг. становилась мысль о том, что новый человек – это, прежде всего, передовой общественник, для которого интересы коллектива всегда должны быть выше личных. Эти же идеи пропагандировались и в молодежной печати. «Социальное положение рабочего парня и девушки, – писалось в журнале «Молодая гвардия» в 1923 г., – целый ряд объективных условий, жилищных и т.д. не позволяет им жить вместе или, как говорят, пожениться. Да, эта женитьба – это обрастание целым рядом мещанских наслоений, обзаведение хозяйством, кухней, тестем, тещей, родственниками, – все это связано с отрывом, мы бы сказали, от воли, свободы и очень часто от любимой работы, от союза (комсомола)» [12, с. 154]. В силу особенностей психологии юношеству свойственно стремление к ниспровержению или, во всяком случае, к ревизии принципов жизни старших поколений. Любая (даже абсурдная) идея, высказанная в печати, а к тому же еще и лидером правящей партии, представителем государства, воспринималась как истина. Противоречивое воздействие на отношение молодых людей к семье оказали и советские законы, демократизировавшие процедуру разводов. Значительная часть юношей и девушек в новом брачно-семейном законодательстве нашла прежде всего оправдание свободных связей. Не случайно весьма популярной в среде молодежи заводских окраин Петрограда в начале 20-х гг. была частушка: «Советская власть, мужа не боюсь, / Если плохо будем жить, возьму разведуся» [13, с. 351].

Такие представления молодежи становились опасной игрушкой в руках ретивых сторонников нового представления о семье, которые утверждали: «При социалистическом обществе дезинтеграция семьи достигнет своего завершения. Социализм несет с собой отмирание семьи» [14, с. 375]. Революционное крушение идеалов, отрицание основополагающих принципов и человеческих ценностей, и в частности религии, привели к «новой морали» вседозволенности, безнаказанности, безответственности, всколыхнули низменные человеческие чувства и настроения, которые приобрели безудержную силу [15, с. 91]. Число разводов стало стремительно расти.

Удар по патриархальной семье наносили также активная пропаганда и создание бытовых коммун в городах. Особый размах это явление получило во второй половине 1920-х гг., когда не только была восстановлена довоенная численность населения в целом и рабочих в частности, но и наметился рост горожан. Появились коммуны на фабриках, возникали межрайонные коммуны, как, например, Московско-Нарвская в Ленинграде, которая не только обобществляла всю одежду, но и платила алименты за своих членов. Коммуны способствовали если не уничтожению семьи, то ее политизации. Таковую же цель преследовала и новая обрядовость, в которую вовлекалась молодежь («красные свадьбы» и «красные крестины»). Именно на коммуну руководители коммунистической партии возлагали надежды в деле переустройства семейного быта. Ряд теоретиков организации коммун видел в них средство отвлечения от семейной жизни, так как «коммунисты ни в коем случае не могут являться сторонниками семейного очага» [16, с. 56]. Молодежи настойчиво внушалось, что новый человек – это прежде всего передовик-общественник, для которого интересы класса, коллектива всегда должны быть выше личных. Такие идеи не могли не привести к конфликтам в молодых семьях, и в 1930-е гг. эти конфликты приобрели массовый характер. На страницах «Комсомольской правды» развернулась дискуссия по проблемам семьи. Собранный подборка писем показывает, что молодые рабочие не могли жениться их-за общественных и производственных перегрузок.

«Вот поженились мы, и вижу: из-за Нюры работа страдает. Решил взяться за работу, дома скандалы. Поругаешься и уйдешь в ячейку, а оттуда возвращаешься в час ночи», – писал секретарь комитета ВЛКСМ одного из ленинградских заводов [17]. «Может, семья является лишним грузом, тянущим комсомольцев назад

или в сторону от прямых целей и задач?» – пыталась понять молодая работница [18, с. 8].

Несмотря на то, что в крестьянской России брак имел высокий статус (считалось, что не выходят замуж и не женятся только нравственно и физически неполноценные), отток молодежи в города уже до революции ослабил прочность семей и снизил престиж семейной жизни, а примат общественного над личным, активно пропагандировавшийся в Советском государстве, усилил эти тенденции. Статус семьи в сознании молодых ленинградских рабочих был основательно поколеблен и благодаря старательному муссированию вопросов о функциях семьи в новом обществе. Сомнительные, но тогда считавшиеся прогрессивными идеи и варианты брачных отношений навязывались в сборниках комсомольских песен частушками о семейной жизни:

«Эх, била меня мать и поучала,
С комсомольцами гулять запрещала.
Лучше б дома, говорит, ты сидела,
Поучилась щи варить, хлеба делать.
Нет, мамаша, все ты зря, эти вещи
Спокон века кабалют бедных женщин» [19].

После революции в промышленности начал интенсивно применяться женский труд. Так, в 1928 г. в промышленности Ленинграда было занято 37% женщин из всех рабочих, в 1934 г. – 45.7%, а в 1937 г. – 49.6%. Эта ситуация обуславливалась не только экономическими, но и идеологическими причинами. «В условиях ликвидации безработицы и все возрастающей потребности в новых рабочих кадрах создаются все возможности для фактического раскрепощения женщины от домашнего хозяйства и приобщения ее к общественно-производительному труду», – подчеркивалось в постановлении Коллегии народного комиссариата труда РСФСР от 15 февраля 1931 г. [20, с. 9]. На многих ударных стройках объявлялась мобилизация «внутренних человеческих ресурсов» – женщин, которые приезжали на стройку вместе с мужьями.

Несмотря на согласие между коммунистическими лидерами и ведущими педагогами того времени в том, что семья должна быть уничтожена, все же в первое десятилетие после революции семье не нашлось подходящей замены, хотя социальный институт семьи в России в послереволюционный период претерпел существенные изменения. Активно распространялись идеи понимания брака как любовного и товарищеского союза двух равных, свободных и одинаково независимых членов коммунистического общества, женского равноправия. Жен-

щина должна была стать не только финансово, но и духовно независимой. Для достижения экономической независимости женщин был принят ряд декретов: был введен оплачиваемый отпуск по беременности, а также запрет на тяжелый физический труд в ранние и поздние сроки беременности; предоставлялись оплачиваемые перерывы для кормления младенцев; начали открывать ясли и детские сады. Женщина получила не только возможность раздельного владения имуществом в браке, но и свободу перемещения.

Необходимо отметить, что сразу после революции и в последующие годы семья функционировала в условиях постоянного вмешательства государства в ее приватную сферу, навязывания образа жизни и моделей поведения. Первый нарком здравоохранения Н.А. Семашко полагал, что «вопрос об аборте должен решаться не с точки зрения прав личности, а с точки зрения интересов всего коллектива» [21, с. 20]. Аборты были разрешены. Представительницы женской части правящей большевистской верхушки делали акцент на социальном аспекте прерывания беременности, считая, что эта операция способствует «втягиванию женщин в общественную жизнь» [22, с. 78]. Значительно упростилась процедура развода. Вместо церковных таинств венчания и крещения детей была введена светская процедура регистрации брака и рождения детей. Церковь отделялась от государства. Внебрачные дети получили равные права с детьми, рожденными в браке. В терминологии того времени, «дети, произошедшие от сожительства, поступают в собственность республики» [15, с. 91]. Эти положения были введены декретом «О гражданском браке, о детях и ведении актов состояния» 18 декабря 1917 г., а затем включены в Семейный кодекс 1918 г. Как писал В.И. Ленин, «советская власть первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые буржуазные подлые законы, ставящие женщину в неравное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права или в области отношений к детям» [цит. по: 23, с. 156]. Таким образом, в тенденциях, которые возникли в сфере брачно-семейных отношений после революции 1917 г., проявились разрушительные силы, обуздать которые новое государство не могло, а часто и не стремилось, так как цель политики исходила из главного постулата – «разрушить все до основания, а затем» на «развалинах» построить нечто «новое». Любой революционный переворот, какими бы благими намерениями он ни прикрывался, всегда несет людям горе и раз-

рушение традиционных основ жизни, негативно отражается на деятельности существующих социальных институтов, особенно семьи, которая берет на себе все тяготы по воспроизводству населения. Поэтому кризис в политике, экономике, культуре есть и кризис семьи [15, с. 92]. Мнение отечественных и зарубежных ученых касательно позиции и действий коммунистов в отношении семьи во многом совпадает с мнением западногерманского публициста К. Менерта: «Советское правительство сразу же после революции повело борьбу с семьей [24, с. 66]. Для них (коммунистов) семья – это бельмо на глазу, и не только из-за ее консервативности. Их раздражает уже само существование этого единственного в стране не контролируемого ими института, самобытной и замкнувшейся в себе ячейки, инородного тела в государстве, которое во всех остальных отсеках контролируется сверху донизу» [24, с. 70, 89]. А.Г. Харчев отмечал, что «семья – хранительница не только традиционной русской культуры, быта, основа социализации человека, но и связь исторических времен, разрушив которую, общество превращается в «иванов, не помнящих родства». Именно здесь больше всего потеряла, порой безвозвратно, наша нация» [15, с. 93].

*Идеологический дискурс
общественного воспитания*

В течение первых десяти лет послереволюционного периода членами нового советского правительства было предложено три направления развития отношения государства к семье в переходный период от социализма к коммунизму [25, с. 893–902].

Наиболее радикальным было первое направление, которое ратовало за полное разрушение семьи и ее замену коллективным воспитанием детей в государственных учреждениях. Сторонники этого направления утверждали, что отмирание семьи оправдано марксистской идеологией. Второе направление поддерживалось теми, кто верил, что семья будет функционировать даже при социализме. Цели сторонников этого направления заключались в понимании необходимости работать с родителями для помощи в воспитании здоровых и счастливых детей. Представители третьего направления предлагали рассматривать детей как агентов революции в отношении взрослых членов семьи при условии, что дети смогут жить дома при отсутствии риска воспринимать прежний образ жизни.

Даже сторонники уничтожения семьи признавали, что для наилучшего результата воспитания детей в советском государстве нужно работать с семьей, а не против нее. Они понимали,

что в то время это было единственным выбором и старались сделать как можно больше в данном направлении. Сторонники второго направления считали, что семья вместе с другими социальными институтами будет заниматься воспитанием детей. Они осознавали, что дети сначала будут в основном получать образование и воспитание в советских учреждениях, а затем приносить свои знания в семьи, родителям. А.М. Колонтай утверждала, что ребенок, воспитанный обществом, будет лучше подготовлен к новому образу жизни, чем ребенок, воспитанный в семье: «Человек, воспитанный в учреждениях республики рабочих, будет лучше приспособлен к жизни в рабочей коммуне, чем человек, чье детство прошло в закрытой среде эгоистичных семейных привычек» [26]. Эта идея казалась очень удачной, так как государство могло сконцентрировать свои усилия на будущем страны – детях. Однако идея была достаточно амбициозной, так как власти сначала должны были не только открыть соответствующие учреждения и обучить детей (что требовало колоссальных затрат), но и найти эффективный способ передачи взрослым тех знаний, которые были получены детьми.

Идея общественного воспитания, как мы уже отмечали, была одной из центральных в семейной политике этого периода, так как стояла задача воспитания нового человека – строителя коммунизма. Н.К. Крупская об идее общественного воспитания писала еще до революции, по сути имея в виду полное государственное обеспечение детей через систему детских учреждений, включая школы и детские сады [27, с. 110]. Сразу после революции правительство объявило, что забота о воспитании детей будет возложена на общество.

А.М. Колонтай считала, что воспитание детей в семье неэффективно, так как детям могут привиться консервативные буржуазные ценности, а в системе общественных образовательных учреждений, охватывающей всех детей, будут привиты навыки и черты «строителя коммунизма». Такой подход к воспитанию поддерживал и А.В. Луначарский, по мнению которого при выборе одного из двух воспитателей – родителей в лице матери и государства в лице школы – приоритет должен отдаваться школе, потому что она несет основную ответственность за воспитание молодого поколения в духе социалистических идеалов. А.М. Колонтай, развивая идею общественного воспитания в статье «Коммунизм и семья», писала, что «вопрос освобождения женщины от тягот материнства решится сам собой, поскольку пролетарское

государство установит совершенно новый принцип: забота о подрастающем поколении превратится из заботы семьи в заботу государства. Материнство будет охраняться не только в интересах женщины, но прежде всего переходной на пути к социализму национальной экономики: необходимо спасти женщин от непродуктивной траты энергии, которая может быть эффективно использована в интересах коллектива. Необходимо защитить их здоровье, чтобы гарантировать трудовой республике приток здоровых рабочих в будущем» [28, с. 56].

Семейная политика советского государства, по мнению многих исследователей, была политикой крайнего прагматизма. Женщина рассматривалась в качестве важного человеческого ресурса для решения производственных и демографических задач, стоящих перед обществом.

Официальная идеология государственной семейной политики советского периода

Политика коммунистов по отношению к семье не может однозначно оцениваться в течение всего исторического этапа существования социалистического общества. Во время «великого перелома» 1929 г. в стране стало меняться все, и в том числе взгляды на проблему взаимоотношения полов. На рубеже 1920–1930-х гг. сформировались официальные нормы сексуальной и семейной жизни в советском обществе. Они сводились к следующему: советский человек должен ориентироваться на моногамный брак, женская сексуальность может быть реализована только посредством деторождения. Добрачная половая жизнь считалась аморальной, отклоняющиеся формы полового поведения резко осуждались [29, с. 275]. В середине 1930-х гг. советское государство перешло на позиции защиты семьи и материнства, объявив в 1936 г. аборт вне закона, сделав процедуру развода более труднодоступной и дорогостоящей (за первый развод надо было заплатить 50 руб., второй «стоил» 150 руб., третий и последующие – 300 руб. [5, с. 87]), установив льготы для многодетных матерей, преследуя безответственных отцов и мужей и клеймя их позором, утверждая авторитет родителей наравне с авторитетом школы и комсомола. Подобные перемены, по видимому, были вызваны, в первую очередь, падением рождаемости и тревогой по поводу того, что данные о численности советского народонаселения не показывают сильного прироста, ожидавшегося при социализме. Институт свободного брака еще существовал (был упразднен только в 1940 г. [30, с. 172]), но к концу 1930-х гг. уже не пользовался такой популярностью, как раньше. Количество разводов

стало сокращаться. Советские юристы, неистово критиковавшие ценности капиталистического общества и его основную ячейку – семью, кардинально поменяли свои взгляды. Так, в 1927 г. академик С.Я. Вольфсон утверждал, что «социализм несет с собой отмирание семьи», а в 1937 г. он же писал следующее: «Утверждения, что социализм несет отмирание семьи, глубоко ошибочны и вредны» [31, с. 233–234]. В.К. Никольский, специалист по изучению семьи, в эти годы считал, что «индивидуальная семья не только сохраняется, но и укрепляется как прочная форма брачного союза, основанного на взаимной любви, и ячейка социалистического быта, выполняющая ответственную задачу воспитания детей» [32, с. 72]. Он отметил важное положение, которое в дальнейшем определило семейную политику в СССР: «Конечно, брак и развод являются у нас частным делом мужчины и женщины. Но поскольку человек является самым ценным капиталом в нашей стране, поскольку драгоценнейшим достоянием нашего общественного строя являются дети, постольку все, что наносит ущерб этому драгоценнейшему достоянию (половая распущенность, легкомысленное отношение к браку, отказ от содержания своих детей и т.д.), всегда вызывало и будет вызывать вмешательство советского общественного мнения и советского законодательства» [32, с. 73].

Классовые подходы, идеи построения коммунистического общества в мировом масштабе и создания материально-технической базы коммунизма в официальной государственной и партийной идеологии ставили семью, личные и семейные интересы в подчиненное положение. Такой подход к семейной политике сохранялся на протяжении всего советского периода. Главный идеологический документ советского периода – Программа КПСС (1972 г.) – подтверждает это. В Программе «семья» употребляется только в разделе «Задачи партии в области подъема материального благосостояния народа». Заметим, что дети и молодежь в этом документе упоминаются тоже редко. Что касается семьи, то о ней говорится следующее: «При коммунизме семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов и будут целиком строиться на чувствах взаимной любви и дружбы» [33, с. 65]; «Те семьи, которые проживают еще в переуплотненных (плохих) жилищах, получают новые квартиры. В итоге второго десятилетия каждая семья, включая семью молодоженов, будет иметь благоустроенную квартиру» [33, с. 94]. Приведем цитату из Программы КПСС, в которой содержится идея ран-

них работ К. Маркса и Ф. Энгельса о переходе при коммунизме к общественному воспитанию детей: «Обеспечить счастливое детство каждому ребенку – одна из наиболее важных и благородных задач строительства коммунистического общества. Дальнейшее широкое развертывание сети детских учреждений создаст условия для того, чтобы все большее число семей, а во втором десятилетии – **каждая семья имела бы возможность по желанию бесплатно содержать детей подростков в детских учреждениях**. Партия считает необходимым сделать все возможное, чтобы уже в ближайшие годы полностью удовлетворить потребности в дошкольных учреждениях. В городе и деревне будет обеспечено: полное и бесплатное удовлетворение потребностей населения в яслях, детских садах и площадках, в школах с продленным днем, в пионерских лагерях, массовое развертывание сети школ-интернатов с бесплатным содержанием детей; введение во всех школах бесплатных горячих завтраков, продленного школьного дня с предоставлением учащимся бесплатных обедов, бесплатное обеспечение школьной одеждой и учебными пособиями» [33, с. 98]. Иными словами, речь идет о бесплатном содержании и профессиональном, внесемейном воспитании и социализации детей в разнообразных детских учреждениях. И грань между помощью семье в содержании и воспитании детей и отторжении, изъятии ребенка из семьи является тонкой и неуловимой.

С 1920-х гг. начала развиваться система детских, преимущественно круглосуточных, дошкольных учреждений. Статистические данные показывают рост детских дошкольных учреждений в последующие годы советской власти. Так, в 1924 г. в СССР было открыто 1036 дошкольных учреждений, в которых пребывало 42 тыс. детей, а в 1940 г. насчитывалось уже 24 тыс. таких учреждений, которые посещали 1171,5 тыс. детей [34, с. 125, 187, 188].

Однако ресурсы, фактически выделенные на семейную политику за весь период социализма, были недостаточны для практической реализации этих идеологических установок, так как приоритетами государственной экономической политики страны в то время были усиление военной мощи, индустриализация и наращивание объема производства тяжелой промышленности, подчинение коллективного сельского хозяйства интересам индустриализации. Социальная сфера развивалась по остаточному принципу. Трудности с жильем и низкие заработки препятствовали разводу и возможности создания новой семьи либо отдельного проживания.

Государство, развивая сеть детских дошкольных учреждений, внешкольного воспитания, общественного питания и бытового социального обслуживания, обеспечения и социального обслуживания нетрудоспособных и др., постепенно брало на себя значительную часть функций семьи. Всеобщее вовлечение женщин в сферу общественного труда делало их более независимыми в экономическом плане. Можно говорить об усилении значения тех аспектов семьи и брака, которые связаны с любовью, сексуальными отношениями, психологической поддержкой в семье.

Анализ различных исторических источников показывает, что в дальнейшем государственная семейная политика стала более гибкой и реалистичной, при сохранении главной марксистской идеи общественного воспитания детей и освобождения женщины из сферы неэффективного, домашнего труда на основе всеобщего вовлечения в общественное производство и развития общественного питания и бытового обслуживания. Однако все эти разрушительные для семьи процессы не получили достаточного развития и глубины, а здоровый консерватизм позволил семье, претерпевшей столь существенные воздействия и изменения, модернизироваться, сохранив многие традиции, и выжить. Гегемоническая позиция государства создала условия для формирования патерналистской семейной политики, когда семье оставался минимум функций и полномочий, а государство брало на себя ответственность за обеспечение членов семьи и заботу о них. В результате разнонаправленных социально-экономических и политических процессов в России на смену массовой, патриархальной, крестьянской, многодетной, многопоколенной сельской семье начала XX в., пришла эгалитарная, малодетная, нуклеарная городская семья.

Список литературы

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 639 с.
2. Семья: история и современность. Хрестоматия. М.: Изд-во Российского государственного социального университета, 2005. 324 с.
3. Сорокин П. Кризис современной семьи // Вестник Московского ун-та. Сер. Социология и политология. 1997. № 3. С. 65–79.
4. Декреты Советской власти. В 2-х т. Т. 1. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. 624 с.
5. Максимова Т. На кой черт регистрировать брак, если... – можно и так // Родина. 2004. № 11. С. 83–87.

6. Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. М.: Москва, 1919. 61 с.
7. Коллонтай А.М. Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений // Коммунистка. 1921. № 12–13. С. 29–32.
8. Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М.: Педагогика, 1976. 281 с.
9. Коллонтай А.М. Семья в коммунистическом обществе. Одесса: Государственное издательство «Москва-Петроград», 1919. 75 с.
10. Коллонтай А.М. Труд женщины в эволюции хозяйства. 2-е изд., перераб. М.: Госиздат, 1928. 200 с.
11. Исаев В.И. Быт рабочих Сибири 1926–1937 гг. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. 240 с.
12. Молодая гвардия. 1923. № 4–5. 230 с.
13. Частушка. М-Л.: Советский писатель, 1966. 320 с.
14. Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. Минск: БГУ, 1929. 435 с.
15. Харчев А.Г. Социалистическая революция и семья // СОЦИС. 1994. № 6. С. 90–95.
16. Бер Ю. Коммуна сегодня. Опыт производственных и бытовых коммун молодежи. М.: Молодая гвардия, 1930. 77 с.
17. Комсомольская правда. 15.10.1934.
18. За любовь и счастье в нашей семье / Сост. И. Бачелис, С. Трегуб. М.: Молодая гвардия, 1936. 92 с.
19. Правда. 27.01.1930.
20. ЦГА РСФСР. Ф. 374. Оп. 3. Д. 659. Л. 9.
21. Семашко Н.А. Еще о больном вопросе // Коммунистка. 1920. № 3–4. С. 20–28.
22. Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М.: Мысль, 1987. 220 с.
23. Чернова Ж.В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008. 328 с.
24. Менерт К. Советский человек. М.: Гослитиздат, 1959. 190 с.
25. Glass Becky L., Stolee Margaret K. Family law in Soviet Russia, 1917–1945 // Journal of marriage and family. 1987. Vol. 49. № 4.
26. Коллонтай А.М. Положение женщин в эволюции хозяйства: Лекции, читанные в Университете имени Я.М. Свердлова. М.: Молодая гвардия, 1923. 32 с.
27. Чернова Ж.В. Семья как политический вопрос: государственный проект о практике приватности. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 288 с.
28. Коллонтай А.М. Коммунизм и семья // Коллонтай А.М. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1972. 430 с.
29. Левина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Летний сад, 1999. 320 с.
30. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.
31. Вольфсон С.Я. Семья и брак в их историческом развитии. М.: Соцэкгиз, 1937. 244 с.
32. Никольский В.К. Семья и брак в прошлом и настоящем. М.: Соцэкгиз, 1936. 86 с.
33. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1972. 127 с.
34. Хасбулатова О.А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2005. 342 с.

FAMILY POLICY IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

G.M. Tsinchenko

The analysis of family policy of the state in the early years of Soviet power and of legal reforms in the field of marriage and family reflects the trend of destruction of traditional patriarchal family in pre-revolutionary Russia. The destructive role of the state policy in relation to the family institution during this period is shown, the ideological discourse of public education is considered. The official ideology of the state family policy of the Soviet period is examined.

Keywords: family, legal reforms, family policy, motherhood, public education.

References

1. Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva // Marks K., Engel's F. Izbrannyye proizvedeniya. V 3-kh t. T. 3. M.: Politizdat, 1986. 639 s.
2. Sem'ya: istoriya i sovremennost'. Khrestomatiya. M.: Izd-vo Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta, 2005. 324 s.
3. Sorokin P. Krizis sovremennoy sem'i // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. Sotsiologiya i politologiya. 1997. № 3. S. 65–79.
4. Dekrety Sovetskoy vlasti. V 2-kh t. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury, 1957. 624 s.
5. Maksimova T. Na koy chert registrirovat' brak, esli... – mozno i tak // Rodina. 2004. № 11. S. 83–87.
6. Kollontay A.M. Novaya moral' i rabochiy klass. M.: Moskva, 1919. 61 s.
7. Kollontay A.M. Tezisy o kommunisticheskoy morali v oblasti brachnykh otnosheniy // Kommunistka. 1921. № 12–13. S. 29–32.

8. Lunacharskiy A.V. O vospitanii i obrazovanii. M.: Pedagogika, 1976. 281 s.
9. Kollontay A.M. Sem'ya v kommunisticheskom obshchestve. Odessa: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Moskva-Petrograd», 1919. 75 s.
10. Kollontay A.M. Trud zhenshchiny v evolyutsii khozyaystva. 2-e izd., pererab. M.: Gosizdat, 1928. 200 s.
11. Isaev V.I. Byt rabochikh Sibiri 1926–1937 gg. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1988. 240 s.
12. Molodaya gvardiya. 1923. № 4–5. 230 s.
13. Chastushka. M-L.: Sovetskiy pisatel', 1966. 320 s.
14. Vol'fson S.Ya. Sotsiologiya braka i sem'i. Minsk: BGU, 1929. 435 s.
15. Kharchev A.G. Sotsialisticheskaya revolyutsiya i sem'ya // SOTsIS. 1994. № 6. S. 90–95.
16. Ber Yu. Kommuna segodnya. Opyt proizvodstvennykh i bytovykh kommun molodezhi. M.: Molodaya gvardiya, 1930. 77 s.
17. Komsomol'skaya pravda. 15.10.1934.
18. Za lyubov' i schast'e v nashey sem'e / Sost. I. Bachelis, S. Tregub. M.: Molodaya gvardiya, 1936. 92 s.
19. Pravda. 27.01.1930.
20. TsGA RSFSR. F. 374. Op. 3. D. 659. L. 9.
21. Semashko N.A. Eshche o bol'nom voprose // Kommunistka. 1920. № 3–4. S. 20–28.
22. Drobizhev V.Z. U istokov sovetskoy demografii. M.: Mysl', 1987. 220 s.
23. Chernova Zh.V. Semeynaya politika v Evrope i Rossii: gendernyy analiz. SPb.: Norma, 2008. 328 s.
24. Menert K. Sovetskiy chelovek. M: Goslitizdat, 1959. 190 s.
25. Glass Becky L., Stolee Margaret K. Family law in Soviet Russia, 1917–1945 // Journal of marriage and family. 1987. Vol. 49. № 4.
26. Kollontay A.M. Polozhenie zhenshchin v evolyutsii khozyaystva: Lektsii, chitannye v Universitete imeni Ya.M. Sverdlova. M.: Molodaya gvardiya, 1923. 32 s.
27. Chernova Zh.V. Sem'ya kak politicheskiy vopros: gosudarstvennyy proekt o praktike privatnosti. SPb.: Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 288 s.
28. Kollontay A.M. Kommunizm i sem'ya // Kollontay A.M. Izbrannye rechi i stat'i. M.: Politizdat, 1972. 430 s.
29. Levina N.B. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody. SPb.: Letniy sad, 1999. 320 s.
30. Fitspatrik Sh. Povsednevnyy stalinizm: Sotsial'naya istoriya Svetskoy Rossii v 30-e gody: gorod / Per. s angl. M.: ROSSPEN, 2001. 336 s.
31. Vol'fson S.Ya. Sem'ya i brak v ikh istoricheskom razvitii. M.: Sotsekgiz, 1937. 244 c.
32. Nikol'skiy V.K. Sem'ya i brak v proshlom i nastoyashchem. M.: Sotsekgiz, 1936. 86 s.
33. Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza. M.: Politizdat, 1972. 127 s.
34. Khasbulatova O.A. Rossiyskaya gendernaya politika v KhKh stoletii: mify i realii. Ivanovo: Ivanovskiy gos. un-t, 2005. 342 s.